

Как ни в чем не бывало они во-время явились на совещание. Никто в тот вечер так и не узнал, что произошло возле колючей проволоки.

Совещание и на самом деле кончилось поздно. Мать Нины уложила ребят на лавках, на полу. Олегу она постелила на своей кровати. Олег поблагодарил за ласку, но не лег до тех пор, пока мать Нины не велела лечь рядом с ним Сереже Тюленину. Долго шептались друзья.

СНЕГ БЫЛ ГЛУБОК...

Приближался конец декабря.

Олег, как и все его друзья, был неутомим в борьбе. Ему некогда было поесть и отдохнуть. К своим любимым шахматам он уж и не притрагивался. Похудел, осунулся. Все чаще он ночевал не дома. Ради конспирации ребята собирались теперь на заседания штаба уже не у нас, а по очереди у кого-либо из товарищей на окраине города: у Валерии Борц или у Радика Юркина, у Жоры Арутюянца, у Нины Иванцовой.

Ночи, когда сын не приходил домой, были для нас всех тяжелыми, наполненными тревогой. Я не спала, в голову лезли страшные мысли, нападало отчаяние.

Мы пробовали говорить с Олегом, просили его беречь себя, отдохнуть, но Олег сводил все наши разговоры на шутку.

— Отдыхать будем тогда, когда немцев прогоним. Я, мама, тогда учиться пойду, закончу институт, стану инженером и сконструирую такой самолет...

Олег подходил к бабушке, обнимал ее за плечи:

— Такой самолет, что и тебе, бабушка, захочется полетать на нем!